

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Капустина А.В., Багандова Л.З. Историографические исследования концептуализации понятия «агрессия» в международном праве и современной политико-правовой доктрине // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 4. С. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.4.76137 EDN: RZGUAY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76137

Историографические исследования концептуализации понятия «агрессия» в международном праве и современной политико-правовой доктрине

Капустина Анастасия Владимировна

кандидат юридических наук

Младший научный сотрудник; ФГБУН Институт государства и права Российской академии наук

119019, Российская Федерация, Москва, Знаменка, Д. 10

✉ anvladimirovna@gmail.com

Багандова Лейла Закировна

ORCID: 0000-0001-5060-9015

Младший научный сотрудник научно-организационного отдела; Институт государства и права Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, каб. 207

✉ leyla.bagandova@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации и мирное разрешение споров"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.4.76137

EDN:

RZGUAY

Дата направления статьи в редакцию:

30-09-2025

Дата публикации:

07-10-2025

Аннотация: В статье представлены результаты историографического анализа процесса концептуализации понятия «агрессия» в современной политико-правовой доктрине.

Исследование фокусируется на изучении эволюции теоретических представлений об агрессии в контексте развития международного права и политико-правовых учений. Объектом исследования является процесс концептуализации понятия «агрессия» в современной правовой мысли. Предмет исследования – теоретические представления и современные подходы к пониманию агрессии как международно-правового феномена. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления современных подходов к определению агрессии как международно-правового феномена и их влияния на формирование механизмов противодействия этому явлению. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов для дальнейшего исследования проблем международной безопасности и совершенствования правовых механизмов противодействия агрессии. Методологическая основа исследования включает историко-правовой анализ, компаративистский метод, системный подход к изучению политико-правовых доктрин. Научная новизна заключается в систематизации современных подходов к пониманию агрессии, выявлении преемственности идейных традиций и формировании новых концепций в рамках политико-правовой доктрины. В работе рассматриваются основные направления политико-правовой мысли в области концептуализации агрессии, исследуется влияние социально-политических факторов на формирование представлений об этом явлении. Особое внимание уделено влиянию Нюрнбергского трибунала на формирование современного понимания агрессии и вкладу советских правоведов в разработку классификации видов агрессии. Проанализированы современные тенденции толкования понятия агрессии, включая предложения о введении категорий информационной и экономической агрессии. Обоснована необходимость сохранения устоявшегося международно-правового содержания данного термина во избежание дестабилизации международного правопорядка. Понятия «агрессия», «акт агрессии» не подлежат расширительному толкованию и должны пониматься в тех пределах, в которых они закреплены в международных документах.

Ключевые слова:

агрессия, политико-правовая доктрина, концептуализация, международное право, политико-правовые учения, историография, международная безопасность, правовая доктрина, современные концепции, политическое развитие

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

По верному замечанию Д.С. Лихачева, современность – это не только настоящее, но и великое прошлое, нами воспринятое [\[9, с. 47\]](#). Рассмотрение ряда вопросов международного права и смежных с ним отраслей права сегодня предполагает обращение к истокам их формирования и становления в юридической доктрине. Именно глубокий анализ позиций, выраженных в российской и зарубежной научной мысли, позволяет определить сущность тех или иных правовых явлений и состояний, ответить на вопросы, стоящие перед юридической наукой. Одним из таких вопросов является определение сущности понятия «агрессия» для целей применения положений международного и уголовного права.

Данная проблематика уже выступала предметом исследований ряда ученых, в частности, А.Н. Савенкова [14]; [15], А.Г. Кибальника [8], Д.В. Лобача [10], Г.Г. Шинкаревой [20]; [21], однако существующие международно-правовые механизмы обеспечения мира и безопасности сталкиваются с новыми вызовами, что обуславливает необходимость переосмысления традиционных подходов к концептуализации агрессии и методов ее пресечения в рамках современной политико-правовой доктрины. Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном анализе теоретических воззрений на понятия «агрессия», «агрессивная война» и «акт агрессии» в российской и зарубежной историографии и формирование авторского понимания рассматриваемых дефиниций. Методологическую основу работы составляют формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Рассуждения о любой научной проблеме имплицитно предполагают историографический анализ. Если автор знает состояние научной, проблемно-теоретической, критической, историко-философской и прочих типов разработки интересующей его проблемы, то лишь тогда он может предложить сколько-нибудь существенное объяснение наблюдаемых и мыслимых закономерностей; и даже интуиция ученого является продуктом культуры, образования, опыта, среды и т.п. [4, с. 109].

Война как социально-политическое явление на протяжении многих веков находилась в центре внимания мыслителей различных эпох, являясь предметом глубокого философского и юридического анализа. Древнегреческие философы, средневековые теологи, просветители Нового времени и правоведы XIX столетия последовательно исследовали природу вооруженных конфликтов, их причины и последствия, стремясь выработать теоретические основы регулирования межгосударственных отношений.

А.И. Полторак и Л.И. Савинский указывают, что еще в начале XX столетия международное право допускало обращение к войне как к законному средству разрешения споров между государствами, что соответствовало классической международно-правовой доктрине *Jus ad bellum*, подразумевающей отнесение к «основным правам» государства права на войну. Отсутствие прямого запрета на агрессию было равнозначно признанию ее правомерности [11, с. 88]. В силу отсутствия эффективных механизмов разрешения международных конфликтов война в этот период являлась допустимым механизмом внешней политики.

После Первой мировой войны международное сообщество осознало необходимость пересмотра способов и методов регулирования межгосударственных конфликтов. Именно в этот период начинает формироваться понятие агрессивной войны как международного преступления. Впервые данный термин упоминается в Проекте Соглашения о взаимопомощи 1923 г., в котором она признается международным преступлением (Проект договора о взаимной помощи, представленный III Комиссией IV Собранию 28 сентября 1923 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/140584-proekt-dogovora-o-vzaimnoy-pomoschi-predstavlenyy-iii-komissiey-iv-sobraniyu-28-sentyabrya-1923-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 04.10.2025)). При этом, в документе равным образом используется и понятие «агрессия».

Член-корреспондент АН СССР П.С. Ромашкин указывает, что первое нормативное закрепление понятие «агрессивная война» получает в Женевском протоколе от 2 октября 1924 г., принятом на пятой Ассамблее Лиги наций [12, с. 247]. В преамбуле

документа закреплено, что военная агрессия составляет нарушение солидарности, объединяющей членов международного сообщества, и является международным преступлением. Этот акт заложил основы дальнейшего развития противодействия актам агрессии. Позднее агрессивная война осуждалась и в Парижском пакте 1928 г.

Несмотря на значительные достижения правовой мысли в области международного права, четкое определение агрессии как противоправного деяния сформировалось лишь в послевоенный период. Именно Нюрнбергский процесс 1945-1946 годов, ставший поворотным моментом в развитии международного права, впервые поставил вопрос о правовой квалификации агрессии как тягчайшего международного преступления, что послужило толчком к дальнейшей концептуализации данного понятия в рамках политико-правовой доктрины. Ю.М. Рыбаков справедливо пишет, что «На основе глубокого анализа нацистской агрессии во всех ее проявлениях на Нюрнбергском процессе было всесторонне раскрыто с участием представителей правосудия государств двух различных социальных систем содержание понятия агрессия» [\[13, с. 35\]](#).

1 октября 1946 г. в г. Нюрнберге состоялось оглашение Приговора, ставшего результатом процесса века. Согласно его положениям, планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны являются тягчайшими преступлениями против мира и безопасности человечества. Справедливо отмечает Д.Х.Е. Фрейд: «Даже поверхностное знакомство с его (Нюрнбергского суда – прим. авт.) записями не может не вызвать элементарного чувства благоговения перед героизмом борьбы против зла и трагедии и призвать специалистов в области политики, международного права и смежных областей и усилить их ответственность за будущее» [\[27, с. 192-193\]](#). С.П. Ромашкин отмечает, что «Историческое значение этого приговора в том, что вопреки воле международной реакции, впервые в истории были осуждены агрессия и агрессоры, лица, виновные в ведении преступной агрессивной войны» [\[12, с. 253\]](#). Закрепленные в Нюрнбергском приговоре принципы нашли свое отражение и в Уставе Организации Объединенных Наций.

С этого момента в юридической науке начинают разрабатываться и формироваться положения о понятии агрессии, ее сущности и признаках. Ученые обращают внимание, что в Уставе и Приговоре Нюрнбергского Трибунала понятия агрессии и агрессивной войны рассматриваются как тождественные, поэтому в политико-правовой доктрине первой четверти XX века значительное внимание уделялось их разграничению [\[5, с. 111\]](#).

Особую значимость в этом вопросе приобрела позиция К. Райта, согласно которой понятие агрессии обладает более широким содержанием. По его убеждению, агрессивная война представляет собой действия, осуществляемые в нарушение международных соглашений, запрещающих ведение военных действий. Профессор Райт аргументировал свою позицию тем, что многочисленные международные договоры обязывают государства воздерживаться от применения любого вида насилия, не ограничиваясь только военными действиями. В связи с этим использование вооруженного насилия в ситуациях, не подпадающих под определение войны, квалифицируется как агрессия. Примечательно, что, по мнению исследователя, агрессия может иметь место и при отсутствии состояния войны. В качестве иллюстрации данной позиции он ссылаясь на ст. 10 Устава Лиги Наций. При этом Райт подчеркивал важный аспект: нарушение договора, предусматривающего обязательство воздерживаться от применения силы, не может автоматически квалифицироваться как агрессия без установления соответствующих санкций за подобные действия. Вместе с тем существовала альтернативная точка зрения, согласно которой термины «обращение к

войне» в статьях 11–13 и 15 Устава Лиги Наций следует трактовать расширительно, подразумевая под ними любое применение силы. Сторонники этой позиции рассматривали агрессию и войну как идентичные понятия, что существенно отличалось от концепции, предложенной Райтом [\[28, с. 313\]](#).

В трудах советских ученых не проводилось разграничение между рассматриваемыми понятиями. Так, академик АН СССР А.Н. Трайнин, размышляя о вопросах установления уголовной ответственности за нарушение мира, использует оба термина: «В интересах борьбы с посягательствами на мир, вся система действий, подготовляющих агрессивную войну, хотя бы и значительно отдаленных от момента фактического начала агрессии, должна влечь за собой уголовную ответственность независимо от того, началась ли на деле подготавливавшаяся прямая агрессия» [\[18, с. 72\]](#). Из смысла приведенной цитаты представляется, что автор фактически отождествляет понятия, рассматривая их как единое правовое явление.

Мы полагаем, что настоящие понятия нетождественны и разделяем позицию К. Райта. Термин «агрессивная война» действительно представляет собой особое состояние, для возникновения которого необходимо соблюдение ряда процедурных требований: война должна быть объявлена соответствующим образом и надлежащим субъектом. Агрессия, при этом, является более общим понятием и включает в себя и состояние агрессивной войны, и совершение отдельных актов агрессии. Мы также согласны с точкой зрения В.А. Батыря о том, что в современных реалиях агрессия – это любое неправомерное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства как нарушение обязательства *erga omnes* [\[2, с. 110–111\]](#).

Несмотря на дискуссии, существовавшие в науке в рассматриваемый период, преобладающим в международном праве стало понятие «агрессия».

В 1950 г. в Первом комитете ООН началось обсуждение определения понятия «агрессии». Делегации, однако, не смогли прийти к единогласному решению. Ряд государств отрицал необходимость разработки такой дефиниции. Так, представители англо-американской делегации утверждали, что разработка такого понятия нецелесообразна ввиду того что оно никогда не сможет стать исчерпывающим, а не включение каких-либо деяний в определение может «побудить агрессора к действиям» [\[19, с. 342–343\]](#). Позднее, при обсуждении вопроса в Политическом комитете ООН в 1952 г., позиция англо-американской делегации была поддержана представителями Бельгии и Греции. Иные государства, такие как СССР, Египет и Сирия, сразу высказали свое мнение в пользу разработки соответствующего определения [\[7, с. 173\]](#). Еще в довоенный период делегация из СССР неоднократно выносила на обсуждение различные проекты, где содержалось определение агрессии как прямой, так и косвенной. В декабре 1932 г. на Женевской конференции по разоружению (1932–1935 гг., созвана по решению Совета Лиги Наций) советская делегация внесла проект конвенции об определении нападающей стороны. На его основе 24 мая 1933 г. специальной подкомиссией конференции по разоружению была принята Конвенция об определении агрессии, однако широкого распространения она не получила. С 3 по 5 июля 1933 г. Конвенцию подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Персия и Афганистан. В 1934 г. к ней присоединились Финляндия.

В 1953 г. Советским Союзом в Специальный комитет для изучения понятия агрессии был внесен проект определений, содержащий четыре ее формы. Каждый из предложенных

видов агрессии, по мнению А.Н. Трайнина, образует отдельный состав преступления [\[18, с. 68\]](#).

Первый вид – прямая военная агрессия, являющаяся наиболее опасным видом агрессии. Данный вид агрессии предусматривал шесть основных форм противоправных действий. Ключевое отличие прямой военной агрессии от не прямой заключается в непосредственном характере применения вооруженной силы. К.А. Багинян отметил, что для квалификации деяния как вооруженной агрессии, необходимо наличие двух связанных факторов: нападение совершается в международном конфликте и нападение совершается государством первым [\[1, с. 40\]](#). «Неопределенность, существующая в современном международном праве в таком вопросе, как определение понятия вооруженной агрессии, лишает компетентные органы ООН возможности правильно и своевременно реагировать на действия государств, граничащие с войной...» [\[1, с. 43\]](#). Ученый также указывает, что агрессия может быть совершена государством только умышленно. Этот вывод следует из презумпции, что государство, являясь общественным организмом, не может находиться в состоянии невменяемости, а, следовательно, руководит своими действиями сознательно, преследуя определенные цели [\[1, с. 59\]](#).

Вторым видом агрессии является косвенная агрессия. Несмотря на то, что Специальный комитет по вопросу об определении агрессии Секретариата ООН указывал, что «Концепция не прямой агрессии подвергается широкой критике, потому что это очень широкая концепция, которая может и в которую можно включить слишком длинный перечень актов, из которых некоторые имеют второстепенное значение и не могут квалифицироваться как акты агрессии», Советский Союз настаивал на признании следующих деяний актами косвенной агрессии: 1) поощрение подрывной деятельности против других государств (террористические акты, диверсии и т.д.). Поддерживая включение этого деяния в перечень актов косвенной агрессии, А.Н. Трайнин, определил его двойственную природу. С одной стороны, акты терроризма вызывают внутрисполитические осложнения и снижают уровень обороноспособности страны, а с другой – провоцируют обострение международной обстановки в целях разжигания военных конфликтов [\[18, с. 118\]](#). 2) способствование разжиганию гражданской войны в другом государстве; 3) способствование внутреннему перевороту в другом государстве или повороту его политики в угоду агрессору. Данная классификация отражала стремление советского правоведения к более широкому толкованию понятия агрессии и укреплению международного правопорядка.

По мнению К.А. Багиняна ключевой характеристикой косвенной агрессии, отличающей ее от прямой, являются те средства и действия, при помощи которых государство осуществляет преступные намерения. «Прямая агрессия отличается от косвенной главным образом тем, что в первом случае государство применяет насилие непосредственно, прямо и открыто, а во-втором – скрытно, находясь как бы за кулисами происходящих событий» [\[1, с. 71\]](#).

Третий вид агрессии, определенный Советским Союзом, – экономическая агрессия, заключающаяся во вторжение одного государства в сферу экономической деятельности другого государства. Выражением экономической агрессии являются: 1) меры экономического давления, нарушающие суверенитет другого государства; 2) меры, препятствующие другому государству эксплуатировать собственные естественные богатства или национализировать их; 3) экономическая блокада. На первый взгляд, представляется, что экономическую агрессию нельзя квалифицировать в качестве

международного преступления, так как зачастую экономическая деятельность осуществляется частными лицами, а не государствами. Однако, К.А. Багинян, анализируя этот вопрос, делает важный вывод, что «Подписав конвенцию об определении понятия агрессия, государства несут ответственность друг перед другом и ООН не только за свои собственные действия, но и за преступные действия своих граждан» [\[1, с. 76\]](#). Таким образом, непринятие государством мер в отношении своих граждан, нарушивших конвенцию, должно рассматриваться как преступное бездействие.

Последний вид агрессии – идеологическая агрессия, представляющая собой оконченное преступление, направленное на создание условий для прямой агрессии. В проекте были выделены следующие формы идеологической агрессии: 1) пропаганда войны; 2) пропаганда применения атомного, бактериологического, химического и других видов оружия массового поражения; 3) пропаганда фашистско-нацистских взглядов расовой и национальной исключительности, ненависти и пренебрежения к другим народам. А.Н. Трайнин отмечает, что «Идеологическая агрессия нередко выражается в прямых и циничных призывах к нападению на миролюбивые страны. Но начинается она издалека, с общефилософских рассуждений и концепций, направленных к затемнению классовых противоречий и отравлению сознания народных масс» [\[18, с. 144\]](#). Целью идеологической агрессии является подготовка населения страны к войне против другой страны, примирение с мыслью о необходимости и неизбежности вооруженного конфликта [\[1, с. 75\]](#). Некую схожесть А.Н. Трайнин видит в уголовно-правовой природе пропаганды войны и подстрекательства. Однако, по его замечанию, подстрекательство представляет собой призыв к совершению конкретного преступления. Пропаганда же является более широким понятием и не всегда выражается только в форме призыва, а также не всегда содержит призыв к ведению агрессивной войны против конкретного государства [\[18, с. 147\]](#).

Представленная Советским Союзом концепция получила всестороннюю поддержку со стороны государств социалистического блока и вместе с тем встретила серьезную критику со стороны представителей стран общего права.

До 1974 г. стороны так и не смогли выработать единую позицию относительно заявленных вопросов. В поддержку решения о разработке определения понятия «агрессия» высказывались аргументы о том, что соответствующая дефиниция позволит ООН более эффективно определять, какое государство нарушило международный правопорядок, а лица, принимающие решения и действующие от имени государства будут действовать более аккуратно и избегать агрессивных способов решения конфликтов [\[26, с. 3\]](#). Наконец, утверждалось, что наличие официально закрепленного определения агрессии не позволяло бы лидерам государств, принимающим решения, возможности оправдывать те или иные действия политическими соображениями. Другими словами, юридическое определение способствовало бы единообразному восприятию событий и облегчило бы сложные суждения о причине и следствии. К. Райт отмечал, что «... определения агрессии и самообороны, основанные, насколько это возможно, на легко наблюдаемых фактах, а не на мотивах или позициях, имеют огромное значение, особенно с учетом сложности принятия решений Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей. Свобода действий в этих вопросах должна быть сведена к минимуму. Это правда, что Устав намеревался предоставить Совету Безопасности значительную свободу действий для принятия решений по таким вопросам на основе фактов ситуации, а также по некоторым вопросам, таким как то, что представляет собой угрозу для применения вооруженной силы или угрозы миру необходима осмотрительность. Опыт,

однако, подчеркивает необходимость как можно более точного определения того, что представляет собой, например, агрессия, чтобы государства не совершали ее по неосторожности или по незнанию ... Объединившись Органы Организации Объединенных Наций не должны иметь возможности уклониться от ответственности в случае совершения правонарушения. ... Те, кто стремится отождествить термин "агрессия" с "несправедливостью", неверно понимают значение этого термина в Уставе и международном праве. Это правило порядка, а не справедливости» [\[29, с. 703-704\]](#).

В доктрине, тем не менее, превалировала позиция о ненужности разработки рассматриваемого понятия. Д. Хазард отмечал, что разногласия между государственными органами по вопросу юридического определения агрессии могут быть частично объяснены различиями в их правовых традициях. Те, кто выступает за разработку юридического определения, в значительной степени придерживаются традиции римского права с акцентом на подробный свод законов; те, кто предпочитает «естественный» подход (оценка каждого отдельного акта на предмет наличия признаков агрессии), в значительной степени придерживаются традиции общего права с акцентом на проявление судебной мудрости в конкретных случаях [\[25, с. 703-704\]](#). Сам ученый полагал, что основная проблема заключается в том, что термин «агрессия» носит ярко выраженный политически окрашенный характер, что делает невозможным его нейтральную формулировку. Любая попытка определения неизбежно сталкивается с трудностями, связанными с политической природой международных отношений и разнообразием правовых традиций различных государств. Юридическая сложность вопроса усугубляется различиями в правовых традициях. Представители систем общего права традиционно избегают четких определений правовых концепций, предпочитая их формирование через судебную практику. В то же время романо-германская правовая семья тяготеет к кодификации и четким формулировкам правовых норм.

Вступая в дискуссию, С. Энджел писал, что «в формальном смысле на самом деле не имеет значения, дается ли определение термину «агрессия». Определение послужило бы лишь дополнительным риторическим оружием в арсенале национального самооправдания» [\[24, с. 42\]](#). При этом ученый подчеркнул, что «реальная ценность попыток дать определение агрессии может заключаться не в конечном продукте ... Таким образом, выигрыш может быть получен не за счет удачного определения, а за счет самого процесса определения» [\[24, с. 42\]](#).

Рассмотрев российские и зарубежные политико-правовые исследования второй половины XX в., мы приходим к выводу, что в научных трудах указанного периода практически полностью отсутствовали самостоятельные теоретические разработки, направленные на формирование собственного определения агрессии. Научная деятельность правоведов сводилась преимущественно к комментированию существующих международных правовых документов и анализу решений международных органов. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что научное сообщество конца XX века избрало путь прикладного анализа существующих международных практик вместо разработки собственных теоретических концепций в сфере определения агрессии. Отсутствие самостоятельных научных разработок в данной области может быть обусловлено сложностью и многогранностью исследуемого явления, а также высокой степенью политизации данной проблематики на международном уровне. Однако, нельзя не отметить вклад Советского Союза в отстаивание позиции о необходимости нормативного закрепления понятия «агрессия» в международном праве. Советскими правоведами была разработана целостная концепция, содержащая определение понятия «агрессия», а также классификацию деяний, составляющих это тягчайшее

международное преступление.

Конец дискуссиям относительно необходимости закрепления определения агрессии в международном праве положила резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года, закрепляющая определение агрессии. Согласно документу, под агрессией понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении (Резолюция, принятая XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1974 года [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902312> (дата обращения: 04.10.2025)). Согласно положениям Резолюции, только Совет Безопасности ООН является единственным органом, полномочным оценивать те или иные действия на наличие признаков акта агрессии.

Принятое в 1974 году определение агрессии на протяжении длительного времени не вызывало существенных доктринальных дискуссий и споров в научном сообществе. Ситуация изменилась лишь с актуализацией проблематики «гибридных войн», которые привнесли новые вызовы в понимание данного феномена. С возникновением новых форм межгосударственного противостояния, характеризующихся комплексным использованием невоенных инструментов давления, возникли попытки переосмысления традиционных подходов к пониманию агрессии. Это вызвало пересмотр ряда концептуальных положений и адаптацию существующего определения к новым реалиям международной безопасности.

На протяжении длительного времени «гибридная война» рассматривалась преимущественно в рамках политологических и культурологических исследований, находясь вне сферы международного права. Эти феномены воспринимались как сугубо междисциплинарные категории, не имеющие прямого отношения к правовой доктрине. Однако в последние годы ситуация претерпела существенные изменения. В западном экспертном сообществе наблюдается активизация исследований международно-правовых аспектов гибридных войн. Данный процесс характеризуется не только теоретическим осмыслением проблемы, но и практическими шагами по ее урегулированию.

Особую значимость приобретает тот факт, что в ряде региональных соглашений предпринимаются попытки нормативно закрепить отдельные виды гибридных угроз. Так, Договор СНГ о создании Экономического союза (Москва, 24 сентября 1993 г.) формулирует как международно-правовой принцип противодействие в случае осуществления экономической агрессии. Это свидетельствует о постепенном переходе от чисто теоретического осмысления данных феноменов к их правовому регулированию, что отражает растущую потребность международного сообщества в выработке эффективных механизмов противодействия новым формам межгосударственного противостояния.

В российской и зарубежной доктрине представлены разные взгляды на рассматриваемый вопрос. Ряд ученых полагает, что термин «агрессия» в его традиционном понимании устарел и нуждается в обновлении, так как он не отвечает динамике политических и военных процессов в мире. Так, по мнению С.Г. Тимошкова, расширение трактовки агрессии является объективной потребностью современности, поскольку традиционные подходы к пониманию данного явления не в полной мере учитывают специфику современных международных отношений и новые формы противоправных действий,

реализуемых посредством цифровых технологий [\[17, с. 10-11\]](#). А.Е. Снесарев также подчеркивал, что в агрессия может выражаться в действиях, сопряженных не только с оружием, но и «агитацией, сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.» [\[16\]](#).

Другие юристы, напротив, придерживаются консервативных взглядов и полагают, что приравнение гибридных противоборств к актам агрессии является неправильным с точки зрения международного права, так как в нем отсутствуют такие категории. В.А. Батырь считает, что «Безответственное жонглирование терминологией опасно, поскольку агрессия и акты ее проявления всегда связаны с применением вооруженной силы, а иное истолкование ведет к расшатыванию и без того хрупкой правовой конструкции» [\[16\]](#). В зарубежной политико-правовой ученые с осторожностью оперируют термином «агрессия» и используют иные понятия. В их работах можно встретить словосочетания «информационная война», «экономическое насилие» и т.д. [\[22, с. 112\]](#); [\[23, с. 9-13\]](#).

Мы склонны согласиться со второй группой ученых. На наш взгляд, понятие «агрессия» не подлежит произвольной трактовке, поскольку его расширительное толкование чревато серьезными правовыми последствиями. Прежде всего, такой подход нарушает фундаментальные правовые принципы, среди которых особое место занимают принципы правовой определенности и законности. Расширительное толкование создает предпосылки для терминологической манипуляции в международных отношениях и может привести к искажению истинного смысла международно-правовых норм, а международное право, впрочем, как и уголовное, является одной из наиболее консервативных сфер юридической науки [\[4, с.37\]](#). При этом следует особо отметить, что противоправные действия в экономической, цифровой и информационной сферах не могут квалифицироваться как агрессия в юридическом смысле, поскольку не предполагают непосредственного применения военной силы. Любые трансформации в понимании агрессии должны осуществляться исключительно посредством согласованных международных процедур с обязательным учетом позиций всех заинтересованных сторон. Такой подход обеспечит сохранение стабильности и предсказуемости в международных отношениях. В связи с вышеизложенным представляется целесообразным пересмотреть существующую терминологическую практику. Вместо использования понятий «информационная агрессия», «экономическая агрессия» и «цифровая агрессия» предлагается применять термины «информационное противостояние», «экономическое противостояние» и «цифровое противостояние». Подобный подход позволит избежать терминологической путаницы и сохранить целостность международно-правового поля, обеспечив при этом точность юридической квалификации происходящих процессов.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

- 1) Нюрнбергский трибунал оказал значительное влияние на формирование современного международного уголовного права и развитие института ответственности за преступления агрессии. Однако, доктринальные исследования о понятии и сущности этого явления начались задолго до начала Второй мировой войны. Именно тогда ученые задались вопросом о разграничении понятий «агрессия» и «агрессивная война». Представляется, что наиболее верной является концепция о том, что агрессивная война – одна из форм проявления агрессии, тогда как последнее обладает более широким содержанием, охватывающим различные виды противоправного применения силы.
- 2) Историческое развитие института агрессии в международном праве характеризуется

длительным периодом дискуссий относительно необходимости нормативного закрепления данного понятия. Существенный прорыв в данном направлении был достигнут благодаря последовательной позиции Советского Союза, результатом которой стало принятие в 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН определения понятия «агрессия».

3) Особого внимания заслуживает вклад советских правоведов в разработку классификации видов агрессии. Несмотря на научную значимость предложенной типологии, она не получила официального закрепления в международно-правовых актах. Тем не менее, теоретические разработки советских ученых внесли существенный вклад в развитие доктрины международного права.

4) Современный этап развития международных отношений характеризуется появлением новых вызовов и угроз международной безопасности. В научной литературе наблюдается тенденция к расширительному толкованию понятия агрессии, в частности, предлагаются такие категории, как информационная и экономическая агрессия. Однако подобная интерпретация сталкивается с определенными правовыми ограничениями. Анализ современных тенденций свидетельствует о необходимости сохранения устоявшегося международно-правового содержания термина «агрессия». Произвольная трактовка данного понятия может привести к дестабилизации международно-правового порядка и размыванию фундаментальных принципов международного права.

Библиография

1. Багинян К.А. Агрессия – тягчайшее международное преступление. К вопросу об определении агрессии. М., 1955. 142 с.
2. Батырь В.А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия "агрессия" и проблемы совершенствования российского законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 1(218). С. 95-116. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116. EDN: WUZFRK.
3. Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. № 1. Vol. 25. С. 107-127. DOI: 10.17506/26867206_2025_25_1_107. EDN: LUKCDL.
4. Горбань В.С., Маликов С.В. Историографические и философско-правовые контексты в уголовном праве // Государство и право. 2024. № 9. С. 36-50. DOI: 10.31857/S1026945224090035. EDN: NWCOQW.
5. Дзейтова Р.Б. Становление и соотношение понятий "войны", "агрессии" и "агрессивной войны" в международном уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4. С. 106-117. EDN: XQDWOS.
6. Зарудницкий В.Б. Современные военные конфликты в контексте формирования новой геополитической картины мира // Военная мысль. 2023. № 11. С. 6-14. EDN: JBEMNM.
7. Ильинская О.И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания организации объединенных Наций // Lex Russica. 2017. № 8 (129). С. 167-176. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176. EDN: ZFBVZR.
8. Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за агрессию. Ставрополь, 2003. 104 с. EDN: QVSLCV.
9. Лихачев Д.С. Земля родная. Книга для учащихся. М., 1983. 256 с.
10. Лобач Д.В. К вопросу о возможной международно-правовой квалификации кибератак в качестве преступления агрессии и международного терроризма // Advances in law studies. 2021. Т. 9. № 4. С. 46-50. DOI: 10.29039/2409-5087-2021-9-4-46-50. EDN: KAZCBV.
11. Полторак А.И., Савинский Л.И. Преступная война. Агрессия США против Вьетнама. М., 1968. 304 с.

12. Ромашкин П.С. Военные преступления империализма. М., 1953. 438 с.
13. Рыбаков Ю.М. Вооруженная агрессия – тягчайшее международное преступление. М., 1980. 214 с.
14. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. 760 с. EDN: MELBW X.
15. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. 739 с. EDN: MXWSKU.
16. Снесарев А.Е. Рецензия на книгу А. Свечина "Стратегия" [Электронный ресурс] // URL: <http://www.a-e-snesarev.ru/trudi/rezenziya3.html> (дата обращения: 03.08.2025).
17. Тимошков С.Г. Агрессия как международное преступление: автореф. дисс. ... к-та юр. наук: 12.00.10. М., 2017. 31 с. EDN: ХНОЕРХ.
18. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. 299 с.
19. Трайнин А.Н. Избранные произведения. М., 1969. 454 с.
20. Шинкарецкая Г.Г. Международно-правовые основы национальной безопасности // Государство и право. 2024. № 4. С. 167-175. DOI: 10.31857/S1026945224040152. EDN: PNXEJFJ.
21. Шинкарецкая Г.Г. Международный суд как средство разрешения споров на фоне необходимости обеспечения международной безопасности // Государство и право. 2025. № 1. С. 174-182. DOI: 10.31857/S1026945225010159. EDN: МХСJХЕ.
22. Colon D. La Guerre de l'information. Les États à la conquête de nos esprits. Paris, Tallandier, 2023, coll. Essais. 480 p.
23. Daninos F. Guerre et dominance informationnelles // Diplomatie, mars-avril 2003, № 2 (mars-avril 2003), pp. 9-13;
24. Engel S., Taulbee J.L. Discussion on the Problem of Defining Aggression // Georgia Journal of International & Comparative Law. 1972. Vol. 2. № 1. P.42.
25. Hazard J. Why Try Again to Define Aggression? // 62 A.J.I.L. 1968. Pp. 703-704.
26. Piper D.C. The Legal Control of the Use of Force and the Definition of Aggression // Georgia Journal of International & Comparative Law. 1972. Vol. 2. P. 3.
27. The Great Nurnberg Trial by Gohn Fried // American Political Science Review. 1976. Vol. LXX. P. 192-193.
28. Williams J. F. Some Aspects of the Covenant of the league of Nations. Oxford, 1934. P. 313.
29. Wright Q. The Role of International Law in the Elimination of War. Manchester, 1961. P. 14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Краткое содержание работы. В статье проводятся историографические исследования концептуализации понятия «агрессия» в международном праве и современной политико-правовой доктрине. В реалиях, происходящих на данный момент на мировой арене, международно-правовые механизмы обеспечения мира и безопасности сталкиваются с новыми вызовами, что обуславливает необходимость переосмысления традиционных подходов к концептуализации агрессии и методов ее пресечения в рамках современной политико-правовой доктрины. В работе делается попытка рассмотреть данные новшества.

Актуальность темы. Исследование весьма актуально, т.к. автором анализируются российские и зарубежные политико-правовые исследования второй половины XX в., что дает ему возможность прийти к выводу о том, что в научных трудах указанного периода практически полностью отсутствовали самостоятельные теоретические разработки, направленные на формирование собственного понимания определения агрессии и тем самым, ему удастся определить новые подходы к понятийно-категориальному аппарату по данному вопросу через призму современности.

Предмет исследования. Предмет исследования явно выражен и раскрывается через определение сущности понятия «агрессия» для целей применения положений международного и уголовного права.

Методология исследования. Представлена следующими методами: формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой методы, а также методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Научная новизна. Новизна исследования заключается в комплексном анализе теоретических воззрений на понятия «агрессия», «агрессивная война» и «акт агрессии» в российской и зарубежной историографии и формирование авторского видения на понимание рассматриваемых дефиниций.

Структура работы. Работа структурирована. Содержит в себе все необходимые части научной статьи, а именно аннотацию, вводную часть, предмет исследования, результаты и их обсуждение. Завершается библиографическим список в количестве 29 источников, что говорит о комплексном и объемном исследовании предложенной проблемы.

Достоинства работы. Достоинствами работы являются выводы, к которым пришел автор в результате данного исследования:

«1) Нюрнбергский трибунал оказал значительное влияние на формирование современного международного уголовного права и развитие института ответственности за преступления агрессии. Однако, доктринальные исследования о понятии и сущности этого явления начались задолго до начала Второй мировой войны. Именно тогда ученые задались вопросом о разграничении понятий «агрессия» и «агрессивная война». Представляется, что наиболее верной является концепция о том, что агрессивная война – одна из форм проявления агрессии, тогда как последнее обладает более широким содержанием, охватывающим различные виды противоправного применения силы.

2) Историческое развитие института агрессии в международном праве характеризуется длительным периодом дискуссий относительно необходимости нормативного закрепления данного понятия. Существенный прорыв в данном направлении был достигнут благодаря последовательной позиции Советского Союза, результатом которой стало принятие в 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН определения понятия «агрессия».

3) Особого внимания заслуживает вклад советских правоведов в разработку классификации видов агрессии. Несмотря на научную значимость предложенной типологии, она не получила официального закрепления в международно-правовых актах. Тем не менее, теоретические разработки советских ученых внесли существенный вклад в развитие доктрины международного права.

4) Современный этап развития международных отношений характеризуется появлением новых вызовов и угроз международной безопасности. В научной литературе наблюдается тенденция к расширительному толкованию понятия агрессии, в частности, предлагаются такие категории, как информационная и экономическая агрессия. Однако подобная интерпретация сталкивается с определенными правовыми ограничениями. Анализ современных тенденций свидетельствует о необходимости сохранения устоявшегося международно-правового содержания термина «агрессия». Произвольная трактовка данного понятия может привести к дестабилизации международно-правового порядка и размыванию фундаментальных принципов международного права».

Недостатки работы. В процессе рецензирования не было выявлено серьезных недостатков, которые могут повлиять на опубликование статьи.

Выводы. Достоинства, актуальность данной работы действительно показывают необходимость рассказать всему сообществу о проделанном исследовании.

Научная статья написана с соблюдением основных требований, предъявляемых к данному виду работ. Может быть рекомендована к публикации.